

Борис Алексеев

ОВРЕМЕННОКИ
И КЛАССИКИ

АЛЫЕ ПРОТАЛИНЫ

Борис Алексеев
Алые проталины
Серия «Современники и классики»

текст представлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44074080
Борис Алексеев. Алые проталины: Интернациональный Союз
писателей; Москва; 2019
ISBN 978-5-906957-56-6

Аннотация

Книга, которую благосклонный читатель держит в руках, объединяет две сестринские формы словесности – прозу и поэзию. Эта книга – ещё одна литературная подсказка к решению самого, пожалуй, главного вопроса нашего мироощущения, вопроса о выборе смысла жизни. Быть может, именно книга «Алые проталины» поможет вам определиться: с кем вы, какие книги станете покупать вашим детям и детям ваших детей: долгие и мудрые, как биография ворона, или короткие, но яркие, как бремя сокола...

С уважением и признательностью за ваше внимание, автор книги Борис Алексеев

Содержание

Прозаический триптих «Восхождение»	7
Испанские пережвизники	8
Храм искусства	24
Егорушка Гоша Егор	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Борис Алексеев

Алые проталины

© Борис Алексеев, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Москвич, 1952 г.р. Профессиональный иконописец и литератор. Член Московского Союза Художников. Имеет два ордена Русской Православной Церкви. Член Союза писателей России (Московская городская организация). Пишет стихи и прозу.

Лауреат Премии Гиляровского и Серебряный лауреат Международной литературной премии «Золотое перо Руси» за 2016 г.

Дипломант литературной премии Союза писателей России «Серебряный крест» за 2018 г.

Прозаический триптих «Восхождение»

Испанские пережвижники

повесть

Рассказ 1. «Ангелы-хранители»

– Гляди! – шепнула жена. – Гляди же!

– Ого! Ничего себе... – ответил я, плюща нос о стекло иллюминатора.

Наш комфортабельный аэробус неспешно парил над землей, забираясь все глубже в райские чертоги неба. Кто-то из пассажиров дремал, разложив кресло. Кто-то доедал предложенный завтрак и лениво разглядывал в окошко океанические водоемы, припорошенные струйками перистых облаков, будто морозным дыханием ангелов.

Я тронул руку жены: «Ну чума!.. Маша, это же невозможно не видеть!»

Прямо под нашим иллюминатором, на полированной поверхности крыла, копошились, устраиваясь поудобнее, два симпатичных безбилетника.

У каждого за спиной, поверх светло-розовой туники клотали в ураганном потоке ветра причудливые перистые образования. Это были реально ангелы.

«Ангелов не бывает!» – возразила память, припомнив

фразу из школьного учебника по природоведению. «Как так, – возмутился я, – выходит, нас десять лет обманывали? Вот же они!..»

Жена, белая как мел, откинула голову на спинку кресла:

– П-позови п-проводницу!

– Что случилось? – улыбнулась стюардесса в ослепительно красном аэрофлотовском костюмчике.

– Да вот, – я указал на иллюминатор, – сами посмотрите!

– Да, очень красиво! – ответила та.

– Что красиво? – я бросил умоляющий взгляд на бортпроводницу, – вы что, не видите?

Стюардесса сделала брови домиком.

– Ну, как же, ведь там... – пискнула жена и прильнула к иллюминатору. Через секунду я заметил, как дрогнула ее спина, – ой, никого!..

Крыло самолета было привычно пусто.

– Вот видите! – еще раз улыбнулась стюардесса.

Испанское средиземноморье летом – это восхитительный биокосмический террариум. Огромный белый колесорот солнца и добрейший лазурный котлован моря одинаково доступны как местным испанским поселянам, так и восторженным сангвиникам из России.

В летние месяцы, вопреки горластой санкционной политике ЕС, «эшелоны» аэробусов с россиянами на борту прибывают на испанское взморье. Да, мы открыто смеемся над

тусклыми Тусками и мачо-Могерини! ";No pasar;n!» – говорим мы им, завязывая бретели купальника на спине любимой женщины.

Интересно, что бы сказал Андрей Платонов, проваливаясь по щиколотку в горячую охру берега? Может быть, так: «Борщев наблюдал море. Оно выдавливало из себя лишнюю влагу, но тут же, пугаясь собственной смелости, пятилось назад и стонало от бессилия огромного темного организма перед светящейся природой разумной жизни...»

Аэробус совершил посадку в аэропорту испанского города Аликанте. При выходе из аэропорта мы арендовали машину и весело помчались вдоль моря, разглядывая многочисленные прибрежные соленые озерца и тысячи розовых фламинго. Наш путь лежал в город испанских долгожителей Торревьеху.

Через полчаса, проголодавшись от обилия первых впечатлений, мы припарковали авто в городском предместье с названием «Ла мата» и отправились перекусить в ближайший ресторан.

Еще через полчаса, выходя из ресторана и поглаживая животики, мы увидели, что...

Корпус нашего симпатичного «Ситроена» щетинился разбитым стеклом левого заднего сидения и походил на несчастную больную птицу, уныло сидящую на асфальте среди житейского мажора.

Я заглянул через битое стекло и ужаснулся: сумка, в которой лежали телефон, ноутбук, планшет и подарок для наших знакомых в Торревьехе... исчезла!

Мы остановили полицейскую машину, проезжавшую мимо, и на ломаном русском объяснили случившееся. Увы, реакция испанских стражей правопорядка была ленива и неповоротлива, как сиеста. И хотя ограбление произошло только что, никаких перехватов предпринято не было. Долго и тщательно составлялся протокол, роль которого в нашей ситуации была явно малозначима.

Уже потом совершенно другие люди нам объяснили, что вор был наверняка марокканец, что Испания, увы, не препятствует въезду в страну африканцев, по большей части не имеющих определенных занятий, а частенько и с криминальным прошлым. От этой недалёковидной политики плачут коренные жители, но более всех – наивные туристы.

– Гляди, мой совершенно расстроился! – всматриваясь в паутину улиц, шепнул ангел товарищу.

– Да, что-то случилось. Моя аж потемнела, места себе не находит! – подтвердил второй. – Странно! Вроде целы, невредимы. Что же так убиваться-то? Не понимаю!

Ангелы переглянулись, расправили крылья и спланировали в предместье.

Я сидел на газонном бордюре, совершенно убитый случившимся. Вдруг за моей спиной раздался голос неопреде-

ленного тембра. Голос походил на клекот птицы, но я отчетливо понимал каждое слово:

– Могло быть хуже.

Жена стояла метрах в пяти и перебирала уцелевшую на первом пассажирском сидении дамскую сумочку. «Не она, – подумал я, – тогда кто?»

– Поверь, могло быть хуже! Я знаю, что говорю, – повторил голос, реально озадачив меня.

– Может быть... – ответил я мысленно невидимому собеседнику.

– Ты вот что, поезжай обратно в аэропорт, поменяй машину, справка из полиции у тебя есть, и забудь об этом. Вернешься в Москву, купишь новый комп, вот проблема! – настаивал через плечо незнакомец.

Я поглядел на машину, потом на гибискус, высаженный вдоль бордюра и искрящийся на солнце вспышками оранжево-красных завязей.

– Мать, может и вправду, хрен с этим компьютером? Пусть пользуется гад, ему же лучше!

– А подарок?! – взвизгнула жена. Она хотела сказать еще, но вдруг успокоилась, – помнишь, как у Рождественского: «...Руки целы, ноги целы, что еще?..»

Мы улыбнулись друг другу.

– Ангел ты мой! – шепнул я на всю улицу.

– А ты мой! – тихо сквозь слезы ответила жена и посмот-

рела в небо.

Стая любопытных испанских горлиц кружила над нами, о чем-то взволнованно беседуя.

Рассказ 2. «Рассвет»

Мы проснулись и вышли на балкон. Невдалеке, за грядой парковых эвкалиптов, призывно штормило море. Подслеповатая ночь из последних сил балансировала на весах бытия. Ее тучные грозовые тени толпились вдоль линии горизонта, скрывая благую весть о рождении нового светила!

– Ну что, джин, тесна твоя бутылка? – смеясь, крикнула жена с балкона.

– Ох, тесна! – ответила порозовевшая кромка небесной ватерлинии.

С каждой минутой оранжевое сияние еще не видимого источника света все более подьедало вялую требуху ночного сумрака. Так в России весенняя зажора¹ подьедает серые мартовские сугробы.

Вдруг тонкий, как игла, первый огненный корпускул во-рвался в небо, оповещая все живое о приближении Солнца! Неповоротливый сумрак обмяк и стал проваливаться в море. Не тут-то было! Солнце расправило вдоль горизонта сверка-

¹ зажора – первая весенняя вода, еще не видимая под снегом

ющие золотом плечи и подхватило облака, как фантастических насекомых из школьных упражнений по «космическому природоведению».

– Господи, красота Твоя необозрима! – не сговариваясь, подумали мы, наскоро оделись и выбежали из дома.

По узкой, пересеченной корнями дорожке, как титулованные скороходы, мы поспешно шагали к морю. Нам хотелось «поближе» рассмотреть розовощекое молодое солнце, поднимающееся над миром. До моря было недалеко, и вскоре дорожка вывела нас на прибрежную косу.

Проваливаясь по щиколотки в песок, мы подбежали к воде. Пенные брызги волн, бьющихся о волнорезы, как маленькие морские пепелы², касались нас нежными пузырьками крыл, лопались, теряли форму и стекали, оставляя на коже соленые дорожки.

– Будем купаться?! – воскликнула жена и, подобрав платье, ступила на светящуюся морскую дорожку, сотканную из воды, взъерошенной утренним бризом, и огненных кусочков испанского солнечного каравая.

Рассказ 3. «Белые барашки»

Гонит ветер по небу рунное стадо, а по морю – пенные

² пепела – бабочка (груз.)

руны. Весело ветру! Самолет встретит – скроет так, что, кажется, «вовек» не сыскать. Удочку приметит в песке – сдернет, да в море унесет. Ищи, рыбак!

Гляжу я в небо, ищу самолет и вижу: выстригает Небесный брадобрей из вереницы облаков руны причудливой формы. Падают отрезанные рунные локоны вниз, на плечи ветру. А уж ветер-то рад! Летит над морем и белые подарки разбрасывает. Мы-то визжим, хохочем, играем с гребешками волн и того не ведаем, что не волна их принесла. С «Небесной парикмахерской» пенистое удовольствие нам на руки упало!

Наверное, мы никогда не разглядим в нежных рунах человеческих взаимоотношений с морем ли, друг с другом следы высоких Божественных «технологий». Никогда не доверим себя этой непривычной нежности, а будем каждый раз надменно, по-Станиславски декламировать, выбегая из воды: «Не верю!»

Рассказ 4. «Карнавал»

В России каждый год просыпаются редчайшие природные явления. Например, чуть пригреет солнце, веселые ручейки революционных настроений жадно подъедают накопившиеся за зиму сугробы народного «неудовольствия».

В Испании не так. Испанское солнце уравнивает. Если какой-нибудь политик из Каталонии возвысит голос, его поведение не следует принимать всерьез. Через пару часов

наступит сиеста, он вкусно поест, уснет, и все успокоится само собой. Это же Испания!

Марсельеза зовет французов на баррикады в любое время года. Чтобы уgomонить беспокойный лукавый прононс, требуется твердое монаршее слово Людовика XIV: «Государство – это я!» Бережливый немец сто раз пересчитает возможные убытки, прежде чем простится с Гретхен и отправится на сборный пункт.

Или, к примеру, итальянец. Он, как испанец, утром кричит, днем спит или волочитя за какой-нибудь красоткой, а к вечеру, устав от многочасового революционного напряжения, совершенно забывает о случившемся и попивает мартини в ближайшей ресторации под оглушительное шоу студийного телевизора.

И только русский человек идет до конца, пока не потеряет все.

Но вернемся в Испанию. Весна в Испании – необычайное время года! Еще не подступило удушливое лето, а солнце уже румянит горячий песок. Море прохладное, купаются лишь смельчаки. В умах – блаженное ничегонеделание!

– Сегодня вечером в городе карнавал. Приходите, – сообщила нам русская дама, осевшая в Испании лет десять назад.

Наступил вечер. Мы подъехали к центральной набереж-

ной города, с трудом нашли последнее свободное место на стоянке и поспешили на звук веселья.

Такое праздничное великолепие мы увидеть не ожидали!

Огромная километровая набережная была запружена людьми в ярких национальных костюмах, повсюду пьющих, поющих и танцующих. Из-под шатров маленьких и больших походных ресторанчиков доносились восхитительные вариации фламенко. Молодые красивые испанские женщины и костюмированные идалго исполняли одновременно сотни страстных танцевальных поединков любви. Глазные яблоки кавалеров, схожие с огненными зрачками быков, вращались в глазницах и совершенно испепеляли своих минутных избранниц. Причем, каждая из них, как ночная Луна, загадочно уплывала в облако-веер, но тут же выплывала обратно, озаряя верного идалго сполохами любовного света. В такие мгновения руки танцора взлетали, как крылья, вверх. Он то совершал изящный круг, оглядывая «жертву» со всех сторон, то бросался вперед, прижимая ладонь избранницы к своей щеке.

Танцевали все. Как юные испанские Ромео, пожилые горожане устремлялись к своим семидесятилетним возлюбленным, а прелестные бабушки замирали от страха, чуть не падая в обморок от обилия чувств (или воспоминаний), но затем, «восстав из пепла», теребили старенькими ручонками оборки своих невероятно красивых платьев и милостиво позволяли своим кавалерам любить их еще. Маленькие де-

ти, подражая взрослым, упоительно смешно совершали танцевальные па. Иногда они падали на руки счастливых мам, запутавшись в каком-нибудь повороте.

Жена подхватила меня за локоть и пальчиком указала на одну из танцевальных территорий, где средних лет танцор кружился вокруг девочки лет восьми-десяти. Бедная девочка была больна синдромом Дауна и неуклюже передвигала непослушные ножки. Мужчине приходилось буквально переставлять ее, но с какой же любовью к своей маленькой партнерше совершал танцевальные «па» этот испанский идадьго!

Плотная толпа, окружавшая танцующих, хлопала им и сопровождала каждый поворот девочки одобрительными восторженными криками. Ни тени насмешки над вынужденным человеческим уродством (этакой снисходительной злобы от созерцания собственного преимущества), ни наигранного веселья мы не увидели ни в одной из сотен пар глаз, окружавших эту скромную танцплощадку! Музыка окончилась. Танцор поклонился своей танцевальной избраннице и изящно поцеловал ей руку. Девочка неуклюже улыбалась и жалась к мужчине. Она была счастлива. Ее маленькое счастье представилось мне, как та рунная вершинка огромной волны человеческого добра, которая на моих глазах захлестнула территорию будущей счастливой жизни...

Мы уезжали за полночь. Музыка весело оплакивала наш уход и зазывала обратно на набережную. Так и не попробовав себя в настоящем испанском фламенко, мы ехали по каньонам городских улиц, встречая сонных, танцующих в темноте горожан.

Ехали молча, не в силах произнести ни слова. Я подумал: «Неужели, вся наша энергия ушла на восторженное созерцание чужого праздника?» «Нет, конечно! – мысленно ответила мне жена. – В эту ночь мы стали определенно лучше!»

Рассказ 5. «Коррида»

В перечне древних профессий после первых двух (из которых вторая – журналистика) именуется искусство. Тысячелетиями человек не только убивал, ел и снова шел на охоту. Он творил, сочинял, более того, рыдал по пустякам.

Спасаясь от завистливой трехмерной несправедливости, его первобытнообщинный мозг за тысячи лет до нашего с вами рождения, милостивые государи, открыл пространство абстрактной идеи, названное в будущем – искусство.

Разве не бродил по выжженной испанской земле идальго Дон Кихот Ламанчский? Пусть скептик трындит: «Образ Ромео выдумал Шекспир!», но как тогда быть с Джульеттой? В славной Вероне вам всякий покажет дом, где реально жил род Даль Каппелло, в трагедии получивший имя Капулетти?

Во всякий миг два пространства смыкаются в человеке, и в каком из них он находится сейчас – большой вопрос!

Давайте представим себя на трибуне. Под нами арена. Глаза слепит огромный ярко-желтый овал. Коррида!

Действие вот-вот начнется. Играет музыка. Испанцы, отчаянно жестикулируя, беседуют друг с другом. Но это только видимая оболочка происходящего. Все ждут появление быка. Как бы мы ни отличались друг от друга, бык – это другое. Это былинный нетопырь. Он всегда живет среди нас и из века в век делает свое дурное дело.

Сегодня произойдет сражение. Красивый молодой тореадор победит тупого и жестокого быка. Не зря говорят: «Красота спасет мир!»

Вот, оказывается, где таится скрытый смысл корриды, этого сакрального испанского представления!

Не правы те, кто видит в корриде только убийство и унижение животного.

Тореадор – это и древний христианский воин Георгий, победивший проклятого змея, и «чуть-чуть» святой архангел Михаил, низвергнувший с неба сатану.

«Это слишком русский взгляд на кровожадное испанское развлечение!» – усмехнетесь вы. Согласен. Но, согласитесь и вы: нам следует всюду выискивать и всматриваться в иную, так сказать, подспудную суть происходящего. Иначе старик

Дарвин прав, и мы никогда не станем полноценными сынами Божиими, пестуя чувственную привилегию ума, унаследованную от наших хвостатых «прародителей».

Утверждаю: если произойдет невероятное, и человеческое сообщество не уничтожит само себя, его будущим членам откроется высокий уровень духовного взаимопроникновения.

Представьте, родовитый испанец просыпается ранним утром и долго-долго смотрит на восходящее с востока солнце. В это же самое время русский парень, пока готовится завтрак, ищет на карте испанского королевства Сантьяго-де-Компостела. Находит, берет в красном углу родового пятистенка кувшинчик со святой водой, кропит карту и приговаривает: «Храни, Господь!..»

Рассказ 6. «Родина»

Как вы думаете, мелькнет ли в голове русского туриста (совершившего мягкую посадку в столичном аэропорту «Барахас» и с упоением вдыхающего настоящий испанский воздух, пропитанный взлетным керосином и множеством мелких токсичных материалов) коварная мысль «Я дома!..»?

Повторю вопрос: найдется ли среди сотни пассажиров рейса «Москва-Мадрид» один настоящий русский парень,

который, глядя в глаза самой красивой стюардессе бизнес-класса, скажет: «Не прощаюсь!» и (как мужская репродуктивная клетка) деловито растворится в огромном организме аэропорта?

Да, мы покидаем Родину, не ведая ни наших сил любви к Отечеству, ни количества искушений, предстоящих нам на чужбине! Пеня на житейское однообразие, мы бежим далече и там пытаемся начать новую благополучную жизнь. Радует сытой кормушке, забывая, что русскому человеку неважно изо дня в день жрать огромное количество первоклассной европейской еды. Невважно набивать рот, глядя украдкой в окошко на восходящее с востока Пасхальное Русское солнце...

Мать примет блудную кровиночку всегда. Отец поглядит с укоризной и неловко, по-стариковски обнимет вернувшегося сына. Нам бы самим не опоздать!

«Как слышите? Прием» – однажды спросит нас Родина...

Храм искусства

рассказ

Введение

Представим Храм искусства как Вавилонскую башню, где все говорят «на разных языках». Художники – на цветном наречии радуги, музыканты – камертонами гармонических тонов, писатели и поэты – иероглифами литер, ученые – алгебраическими построениями цифр... И не понять им никогда друг друга, если бы не Мать София, Премудрость Божия, повелевшая служить избранникам своим у Престола Красоты и днем, и ночью.

Кто отступит на шаг от Престола, того муза-диаконисса под ручку выведет из алтаря искусства, мол, «ступай с миром, отступничек дорогой». Более того, даст от щедрот Матери мешочек гульденов на прощанье, дескать, «на сытую жизнь». Это на Западе.

У нас не так! Только ты от дарохранительницы всего на шаг отошел дух перевести, тут же Федька-алтарник, балбес здоровый, схватит тебя за ворот, выпроводит из алтаря, да пинком с солие столкнет, не поленился! Ты ему: «За что?!», а он в ответ: «Поэт в России больше, чем поэт! – ступай с

Богом и не смей возвращаться – пускать тебя не велено!». И горько, и стыдно, а что поделаешь, сам виноват – шелохнулся.

Часть 1. «Мушкетеры короля»

Декабрь 2030-ого года.

Здание Московского художественного училища. Мастерская живописи. Высокие потолки, украшенные реликтами интерьера – деревянными кессонами. Витражные окна до потолка, обнимающие половину московского неба. В центре мастерской – небольшой стол, покрытый розовой велюровой тканью. На столе чья-то внимательная рука расположила нехитрый натюрморт: пара яблок «а ля Сезанн», лукошко, до краев наполненное киноварной ягодой клюквой, и два-три столовых предмета, так сказать, «для темы». Часть ягод рассыпалась по ткани, подсвечивая зеленовато-розовые тени яблок алыми рефлексами.

Скрипнули петли дубовой входной двери, и в мастерскую протиснулся художник Лешка, талант и будущий гений. Лешка подсел к натюрморту, перевел дух и принялся выдавливать на палитру краски.

Минуты не прошло, как дверь скрипнула вторично. В мастерскую вбежал поэт Гоша в желтом пуловере и шарфе неопределенного цвета, художественно увитом вокруг его тонкой поэтической шеи.

– О-ба-на! Красотища-то какая, – Гоша тщательно обвел глазами постановку и, не замечая Лешку, стал что-то быстро писать в скомканную старую тетрадку. Леша неодобрительно поглядел на суетливого Гошу, вздохнул и продолжил размечать рисунок натюрморта на небольшом холсте, натянутом на подрамник.

Следует сказать, что творческий акт, будь то живопись, музыка, или слово – штука тонкая. Рождение образа всегда имеет глубоко внутренний, интимный характер. И если рядом оказывается случайный (или преднамеренный) раздражитель, внутренний диалог мастера и будущего творения может не состояться. Гоша это понимал и, заметив недовольство товарища, тактично отошел в сторону.

Через минуту дверь скрипнула в третий раз, и в комнату вошли, громко переговариваясь, закадычные друзья Степа и Лева. Степан учился в Гнесинке и подумывал стать свободным некоммерческим музыкантом, поэтому немного бедствовал. Лев, напротив, происходил из благополучной еврейской семьи. Его отец работал доцентом на кафедре математики МГУ, а сам Лева учился в аспирантуре и по настоянию отца давал частные уроки.

– Лев, рыкни что-нибудь, смотри, красотища-то какая! – пропел губами Степа, не отводя глаз от содержимого лукошка.

– Да, натюрморт что надо. Как говаривал мудрец Мебиус: «замкнутая алгебраическая полнота». Или, проще гово-

ря, продольный срез осеннего клюквенного болота, равный фиксированному объему деревенского лукошка! – ответил Лева, оглядывая предметы.

Леша отложил кисти и с улыбкой стал рассматривать своих «очень старых», но по-прежнему совершенно непохожих друг на друга товарищей. Вопреки мнению о том, что общение усредняет личности собеседников (например, пара хозяин – собака), наши герои во всех перипетиях житейского сосуществования оставались прежде всего личностями, напоминая знаменитую четверку мушкетеров Дюма. Описать их дружбу, наверное, можно, перефразируя известную поговорку: «дружба дружбой, а личность личностью».

Но вот дверь скрипнула снова, и на пороге появилась юная особа в белой, расшитой золотом тунике. Густые каштановые волосы, подобные морским волнам, вскипали на плечах девушки и свободно падали вниз. Казалось, божественная Ника Самофракийская впорхнула в мастерскую.

– О-ба-на!.. – Гоша процитировал самого себя, взволнованный очередной встречей с прекрасным. Цанговый карандаш скатился с его ладони, противно подпрыгнул пару раз по половицам мастерской и застыл в метре от прекрасной незнакомки.

Леша встал и чинно поклонился девушке:

– Простите, Вы чья муза будете?

Все ребята вслед за Лешей склонились перед девушкой в старомодных, витиеватых поклонах.

– Я за вами, – коротко ответила она, – идемте же!

Часть 2. «Московия» (прямого отношения к теме повести не имеет).

Лавируя между ящиками, мольбертами, творческими работами и учебными пособиями, Ника в окружении ребят стремительно прошла по коридору, спустилась по парадной лестнице главного корпуса и вышла на улицу.

Хотите знать, как выглядит постсобянинская Москва 2030-ого года?

Впрочем, в нашей стране о будущем догадаться не трудно. История матушки-России, видимо, никогда не станет учебником жизни и сводом полезных рекомендаций для ее детей, начинающих всегда жить сначала. На каждом историческом промежутке мы бросаем в корзину прежние тексты, считая их негодными, и пишем с чистого листа новые исторические откровения. Увы, наше неистребимое революционное начало всякий раз оказывается в плену известных заблуждений. Тогда мы говорим: «Бес попутал!» И тут же, забыв собственные слова, открываем чистый Word.

Да, именно так. Московские улицы лужковских и собянинских периодов муниципального всевластия «беспечно» меняли за государственные деньги пешеходную брусчатку и газонные оградки. Городские нововведения определяли портфель заказов «свечных» заводиков очередного правя-

щего клана.

«Что вы хотите, татарин на Москве!» – охали бабки на лавочках. «Да, иго татарское – штука долгая...» – вторили им рублевые старички-пенсионеры.

Как этим русским не промывай мозги: мол, не было никакого ига, и Куликова сражения тоже не было – нет, твердят свое! Им, родимым, уж и пенсию на рупь повысили, а они большого мурзу Собянина так и кличут «лукавым татаринном», ну что с них взять!

Однако, заболтались мы. Век-то иной, а в глазах москвичей так и стоит наследная чистота московских улиц времен пятидесятых, послевоенных. Скажите, потомки, кто из вас нынче помнит грандиозное советское кино Марлена Хуциева «Застава Ильича»?

...Идут русские воины ранним утром по безлюдной Красной площади. Приглядитесь, они меняют караул не у мавзолея с останками вождя, а у нашего с вами порога.

Часть 3. «Храм красоты»

Наспех накинув что-то из верхней одежды, ребята, возбужденные интригой происходящего, шли метрах в пяти позади плывущей, как белый парус, божественной Ники. Известно, что в декабре температура Москвы разительно отличается от показателей греческих термометров. Тем не менее, девушка шла в открытой легчайшей тунике. Поверх ее кры-

льев, не видимых простым глазом, развевались белые античные ленты.

Так, переходя с одной улицы на другую, они подошли к городской окраине. Неряшливая промзона, похожая скорее на свалку, чем на регулярную территорию города будущего, вдруг расступилась, и наши герои оказались на площадке, отгороженной от прочего пространства стеной из белого природного камня. Девушка обвела ребят строгим внимательным взглядом и пригласила войти в сложенный из розового травертина проем в стене. Смеркалось. На небе загорались первые звезды. Ребята один за другим последовали за девушкой. Лева чуть задержался, определил по Большой Медведице местоположение Полярной звезды и после этого вошел в проем вслед за другими.

– О-ба-на! – еще раз процитировал Гоша самого себя, с восторгом оглядывая великолепную залу неопределенных размеров, сверкающую, как Сезам, отсветами не одной тысячи драгоценных камней и кораллов.

– Друзья, я приветствую вас в храме Красоты! Это не сон. Все, что вы видите вокруг себя, реально существует. Просто остановилось время, и мы имеем возможность рассмотреть изнутри порядок вещей. В жизни, когда время непрерывно перемещает нас, такой возможности нет, – голос девушки нарушал тишину залы и казался самостоятельным сгустком звука, летающим, как горлица, среди высоких подпружных арок и колонн.

Она подошла к внушительной кубической форме из красного мрамора, покрытой золотистой материей. В самом центре куба лежала книга в потемневшем от времени кованном переплете.

– Перед вами Престол, главное сакральное вместилище Духа Красоты. Именно Ему вы в меру сил старались служить своими творческими устремлениями. Мне поручено пригласить вас на торжественную службу, которая сегодня состоится в этой зале. Пока же предлагаю вам оглядеться и просто полюбоваться красотой.

С этими словами девушка повернулась, отошла немного в сторону и исчезла между колонн.

Как долго бродили наши герои по многочисленным переходам сверкающей залы, определить не смог бы даже Лева, ведь время, как сказала девушка, остановилось. Каррарские мраморы, дорические капители, легкий искрящийся потолок, выложенный из азуритовых гранул, тихая, звучащая ниоткуда органная музыка наполняли пространство храма возвышенным дыханием неведомой, иной жизни. Хотелось забыть совершенно мирские помыслы и поручить себя неусыпному путеводителю по храму Красоты – Духу Божественного Равновесия...

Часть 4. «Невероятная встреча»

Но вот зала стала наполняться людьми. Ребята с недоуме-

нием смотрели на одетых в различные исторические костюмы мужчин от молодых ровесников наших героев до глубоких стариков. В отличие от сценического перевоплощения, залу заполняли реальные исторические персонажи.

Всегда существует возможность сорвать маску «а ля Станиславский» даже с выдающегося актера. Когда же перед вами сама жизнь, по вашей спине бежит резвый холодок, оповещающий, что аплодисментами и расшаркиванием в гардеробе на этот раз дело не кончится. Вам лично придется в чем-то поучаствовать.

– Я понял! – Лева дернул Степана за рукав, – это гении!

Действительно, когда улеглось первое возбуждение, ребята заметили, как толпа, словно ожившая иллюстрация к юбилейному выпуску «ЖЗЛ», распалась на множество персоналий.

Молодой стройный баловень судьбы Рафаэль беседовал о чем-то с коренастым мрачным стариком. Уродство собеседника не оставляло сомнений в том, что это сам Микеланджело. Рядом с ними стоял в задумчивой позе великий Леонардо да Винчи и время от времени улыбался втайне от говорящих. В руках у Леонардо был свиток с витиеватыми гербовыми печатями, перевязанный пунцовой шелковой тесьмой. Лева обратил внимание на бережность, с которой Леонардо перекладывал свиток с руки на руку, защищая его от эмоциональных движений Микеланджело. «Эх, знать бы, – подумал Лева, – что в этом пергаменте!..»

– Братцы, да это же Пушкин! – простонал Гоша, выглядывая в толпе смуглого мужчину небольшого роста с вьющимися бакенбардами. Пушкин весело что-то рассказывал высокому идальго в испанской фетровой шляпе с культей вместо правой руки. Да-да, собеседником Пушкина был знаменитый Сервантес. К ним подбежал запыхавшийся Володя Высоцкий и «по секрету» шепнул пару слов, от которых все трое расхохотались. Разобрать слова не было никакой возможности, т. к. толпа росла, шумела, буквально «выкипая» из обширного пространства залы.

– Начнемте, друзья! – торжественно объявил старец в белой греческой тоге и голубой накидке, переброшенной через плечо.

– Это Гомер, – шепнул Гоша стоящему рядом Лешке. Леша не ответил, т. к. не смог разжать сомкнувшиеся от волнения челюсти.

Толпа выстроилась перед Престолом, каждый, кто имел головной убор, снял его. Слепого Гомера подхватили под локти два пожилых грека, в которых не трудно было узнать Аристотеля и Платона.

– Друзья! – воскликнул Гомер, – сегодня особый для всех нас день. Сегодня в торжественной службе во имя Красоты участвует само время! Поглядите на этих юношей, – тут, несмотря на слепоту, он точно указал на четверку наших героев. Все присутствующие в зале обернулись. Гомер продолжил. – Роль, которую предстоит исполнить этим юным ри-

торам Красоты, еще хранит будущее. Но мы сегодня имеем возможность с их помощью вернуть человечеству наши мысли, которые не сохранило время. По окончании торжественной службы я благословляю вас вручить нашим гостям стертые прихотью богов и человеческой вражды достижения разума, псалтири и резца. Да будет так!

Началась торжественная служба. Если бы константа времени позволяла почувствовать длительность происходящего, все равно, для наших героев регламент службы показался бы яркой мгновенной вспышкой.

А происходило вот что.

Гении выстроились друг за другом в очередь к Престолу. Гомер взял Древнюю Книгу и встал перед Престолом в окружении Аристотеля и Платона. Каждый подходивший брал из рук Гомера Книгу, поднимал над собой и произносил: «Во имя Красоты да будет память обо мне!» Затем возвращал фолиант Гомеру и с поклоном отходил в сторону. Так, в абсолютной тишине, один за другим шли к Престолу великие светочи человеческого разума и духа.

Вот последний из них (но первый на шахматной доске) гроссмейстер Алехин, завершая шествие, произнес единое для всех восклицание и передал Гомеру священную Книгу. Гомер положил Книгу на Престол.

Как только служба закончилась, гении окружили наших героев. Знаменитости имели до ребят особые поручения. В очередь на разговор к Гоше выстроились... Александр

Пушкин, прокуренный Бродский, за ними Цветаева с рубчиком на шее и гусар Гумилев... Степан же оказался совершенно не виден под париком рослого и сутулого Баха. Рядом нервно вышагивал, стараясь обратить на себя внимание, франко-американский гений русского происхождения Игорь Стравинский. Моцарт же, как дурной мальчик, вертелся у Стравинского под ногами, комкая в ладошках партитуру неизвестной части «Реквиема»...

Вдруг в один миг не стало никого. Огромное количество исписанных на разных языках бумажек лежало повсюду. Не успев распрямиться от долгой скрутки, они шелестели друг о друга, как осенние листья. Наши герои поднимали драгоценные письма, стараясь не упустить ни одного. В этот момент из-за колонн вышла девушка-путеводитель, подошла к Престолу и произнесла: «Что ж, начнем и мы, пожалуй!..»

Часть 3. «Личный выбор»

– Ой, что с вами? – Ника всплеснула руками, оглядывая ребят. Великолепную четверку немилосердно трясло, как на вибростанке. Пережитое эмоциональное возбуждение выворачивало незрелые нервные системы наизнанку. Не владея собой, ребята пытались ухватиться друг за друга и тут же отдергивали руки, как от оголенной электропроводки.

– Успокойтесь, наконец! – воскликнула девушка, – хватит уже!

Ее строгий тон подействовал на наших героев, как холодный душ. Ребята замерли в неестественных позах. На смеху их нервическим всхлипам пришло странное общее беззвучие. Где-то высоко вверху, в узорчатых капителях колонн ворковали горлицы. Но шорохи птичьей толкотни заглушала гулкая дробь четырех сердечных барабанов.

Девушка подождала, пока утихнет дробь, и затем, поскрипывая кожаными сандалиями, подошла к Престолу:

– Ваша задача – восстановить в житейском обиходе утраченные нити творчества. К сожалению, человеческое миропонимание не опирается на Премудрость Божию. Поэтому из века в век образуются все большие провалы в красоте, скреплявшей некогда первоначальную систему мира.

Много лет назад красота безраздельно царствовала над разумом человека. Древние рукописи, скульптуры, мозаики, фрески, знаменные распевы Руси – это средоточие красоты. Увы, начиная с прошлого века, отсутствие классической гармонии в человеческом доме стало нормой. Вы должны знать, что на месте каждого уничтоженного интеллектуального шедевра, остается несмываемое черное пятно, черная дыра, в которую проваливаются лучшие потенции человека. Более того, проваливаются, оставляя на поверхности земли выжженные оболочки благородных мыслей и высоких чувств. Короеды поедают эти жалкие останки духа, покрывая (не в храме будет сказано!) «интеллектуальными» испражнениями некогда цветущие долины. Уничтожение предметов кра-

соты – это прибыльный бизнес последнего времени. Все началось с археологических раскопок, когда черные археологи стали нарушать целостность гробниц и выставлять в витринах музеев, или на продажу безжалостно расчлененную красоту. Всегда лукавым оправданием совершенного вандализма была некая научная необходимость. Вскрывая могилы и выкусывая из земли собственную историю, человек постепенно превратился в слепую гидру, пожирающую саму себя.

Простите меня за длинное предисловие, но роль, которую поручает вам Премудрость, должна быть вами понята до конца. Если в мир вернется множество уничтоженных мраморов Фидия, если то, что говорил Сократ, станет достоянием человека не только в изложении Платона, но и в текстах его прижизненных биографов, если иконы великого русского изографа Андрея Рублева, канувшие в лету, вновь засияют в храмах, верьте, друзья мои, мир изменится! Ведь смысл всякого творчества – поиск Божественной Премудрости, – девушка на минуту смолкла, перевела дух и продолжила, – вам каждому надлежит совершить подвиг отрешения от себя, стать сосудом, в который Красота нальет свое молодое вино. Честно говоря, я вам не завидую! Найти силы для сопереживания труду сотен выдающихся мастеров – не просто. Но другого пути нет. Красота не клонируется, но всегда возникает впервые, даже когда автор любовно копирует уже им совершенное. Сейчас у Престола каждый из вас озвучит наказы гениев прошлого и испытает на себе великую силу ис-

кусства, выжигающую в человеке все мелкое, сорное и злое. Помните, как сказал Пушкин? – «Гений и злодейство, две вещи не совместные!» И хотя Премудрость выбрала именно вас, вы можете отказаться от предложенного вам подвига. Решайте.

Дева смолкла, отошла сторону и присела на валик основания колонны. По смущенному виду ребят невозможно было понять, к чему склоняются их мысли. Константа времени, как натянутый резиновый жгут, казалось, вот-вот лопнет, не дождавшись их решения. Первым очнулся Алексей...

– Мой отец был летчик. Он погиб в Афганистане. Нам с матерью вручили отцову золотую звезду Героя. Я тогда был еще маленький и мало, что понимал. Но помню, как от слез матери сжалось мое сердце, и я прошептал: «Мама, не плачь, я обязательно сделаю твою жизнь прекрасной!» Я согласен.

– Нет-нет, и думать тут нечего! – в необычайном волнении заговорил Гоша. – У меня в руках последнее неизвестное стихотворение, написанное Пушкиным утром перед дуэлью! Об этом никто не знает потому, что Пушкин его сжег! Вы только послушайте!

Гоша в великом волнении прочитал небольшое стихотворение, в котором Александр Сергеевич детально описывал свою предстоящую смертельную дуэль, и в последней строфе просил Бога простить его за намерение убить человека.

– Я тоже согласен, – Гоша смолк и отошел в сторону, стараясь не показать друзьям внезапно брызнувшие из глаз сле-

зы.

– А я нет! – с вызовом ощетинился Лева, – я не против сделать жизнь лучше, но я против нарушения исторического процесса. Восполняя изъяны красоты, мы покушаемся на саму Софию, Божью Премудрость, о которой так трогательно поведала нам прелестная путеводительница. Если премудрое время повелело забыть девять десятых из совершенного, то в этом должен быть свой исторический смысл! Потеря большинства, быть может, определена Богом как жертва ради той, десятой доли, которой суждено остаться в истории и служить человечеству вечно...

– Вечно? – возразил Лева Степан, – Лев, ты же сам мне не раз говорил, что любое априори заданное абсолютное понятие в реальном операторе, каковым является время, становится относительным. Вечные монастыри на Косовом поле в наш просвещенный двадцатый век оказались стерты с лица Земли американской бомбежкой. Это тоже пример «вечной» исторической справедливости?

– Да я что, – смутился Лева, – вообще-то, я тоже «за». Боюсь только нарушить систему.

– И вообще, мужики, кто мы такие, чтобы нос воротить от избранников Неба? Мы же спорим с волей Престола! Я – с благодарностью «за»! – подытожил Степан.

Эпилог

Леша дописывал натюрморт, поглядывая на радугу через высокие витражные окна мастерской. У него за спиной, упираясь головой в притолоку проема, стоял огромный Эдуард Венедиктович, академик живописи, руководитель натурального класса, к которому был приписан Лешка, и с нескрываемым изумлением наблюдал за работой своего ученика. Рядом с академиком, затаив дыхание, следил за каждым движением Лешиней кисти преподаватель академического рисунка Гаврила Исайич.

– Не понимаю! – шепнул Гаврила Исайич на ухо Эдуарду Венедиктовичу, – это же суший Шарден! А подмалевок какой он сделал, видели?

– Видел, Гаврила Исайич, видел, – ответил тот, – сам ничего не понимаю! На наших глазах гений спорит со смертью!

Почтенный Эдуард Венедиктович вытер платком выступившие на глазах слезы:

– Он как радугой пишет! Премудро, ох, премудро все это...

Егорушка Гоша Егор

Неавтобиографическая повесть

Вступление. Да здравствует лягушка!

Когда наши житейские устои сотрясают внезапные перемены, мы припоминаем основной закон философии – «закон перехода количества в качество». Удивительно, как такое могло случиться!

Животному проще.

«Безмозглый» представитель фауны имеет врожденную способность к предвидению.

Инстинкт самосохранения заставляет лягушку вытаптывать в банке молоко, пока не образуется спасительное масло. А человек? Будет ли он совершать бессмысленные на вид действия ради продолжения жизни? Вряд ли. Вы усмехнетесь: «А если в банке окажется простая вода, что тогда станет с лягушкой?»

Не знаю. Но утверждать: «Утонет!» – не буду.

Часть 1. Предназначение или чувственная шутка?

Курчатовский институт, или попросту «Курчатник», в 70-е годы прошлого века разительно отличался от многих подобных секретных заведений явной демократичностью внутреннего распорядка. Основатель института, один из «отцов» советской атомной бомбы, Игорь Васильевич Курчатов ввел правило свободного начала и окончания работы. Он приветствовал, если физики после обеда часок-другой поиграют в волейбол или на теннисных кортах погоняют мячик. Даже благоустройство территории Игорь Васильевич решил просто и гениально. Отложив в сторону готовую проектную планировку, просто подождал, пока сотрудники сами протопчут удобные им направления. И только потом распорядился вытоптанные дорожки заасфальтировать.

Егора Дивеева распределили в Курчатовский институт на преддипломную практику. Мягкая рабочая дисциплина, контролируемая только совестью ученого и научным результатом, пришлась ему по душе. От природы человек восторженный, он вскоре с головой ушел в настоящую, нужную государству работу. Но произошло нечто, изменившее всю его жизнь.

Однажды утром Гоша проснулся в сильном волнении. Наскоро умылся, с трудом зачихнул в себя завтрак и собрался, как всегда, идти в Курчатник, но ноги не слушались и с каждой минутой все более наливались противной неодолимой тяжестью. «Так, давай разбираться», – он присел на табурет и стал оглядывать знакомый до царапины на обоях интерьер прихожей. Ему вдруг почудилось, что все нехитрые предметы квартирного быта смотрят на него с укоризной и не одобряют проявленную им слабость.

«А это что такое?» На полке для головных уборов, среди шапок и шляп, торчал корешок увесистой незнакомой книги.

«Ах, да, вспомнил. Мне занес ее Мишка неделю назад. «На, – сказал, – почитай, сила!» – Гоша снял с полки книгу, – Винсент Ван Гог «Письма к брату Тео». Ну и что?» – хмыкнул он и раскрыл книгу на произвольной странице...

Когда вечером пришла с работы мама, она натолкнулась в прихожей на Гошу, сидящего с книгой на табурете в позе Роденовского «Мыслителя».

– Егор, что ты читаешь? – поинтересовалась она, – ты ел?

– Мама, это что-то! – ответил Гоша, не отрывая глаза от чтения.

– А почему ты не ходил в институт? – мама посмотрела на ботинки, не тронутые осенней распутицей, – у тебя же сегодня коллоквиум?..

Она присела напротив Гоши и внимательно посмотрела на сына.

– Мама, – Гоша прикрыл книгу, заложив пальцем страницу, – скажи, я ведь рисовал когда-то?

– Да, Егорушка. Другие мальчишки читали, гуляли, а ты – рисовал. Я не успевала переклеивать обои, ты рисовал везде и на всем. Асфальт вокруг нашего дома ты исчертил мелом так, что все соседи смеялись: «Растет художник!»

– А потом?

– Потом, уже в пятом классе, карандаш выпал из твоих рук. Ты увлекся музыкой, а через два года бросил музыку и влюбился в математику. Вот так.

– Да, это я помню...

Остаток вечера Гоша задумчиво бродил по квартире и перебирал старые фотографии. Мать с долей тревоги наблюдала за ним, но в разговоры не вовлекала. «Пройдет, – думала она, – скоро диплом, он мальчик ответственный, сосредоточится».

Наутро Гоша проснулся затемно. Включил лампу и снова погрузился в чтение. Тем временем рассвело. Мама погрелась на кухне и ушла на работу. Еще почитав какое-то время, Гоша посмотрел на часы, отложил книгу, оделся и, не выпив даже чашки кофе, вышел из дома.

На соседней улице недавно открылся Художественный са-

лон. Неделю назад его затащила туда Ленка, милая сокурсница, с которой он встречался уже второй год. «Хочу, чтобы ты выбрал мне изящный подарок!» – заявила она. Гоша припомнил, как дрогнуло его сердце, когда они проходили вдоль прилавка с красками. «Ну что ты тут застрял?» – Лена потянула его вперед к антикварному отделу. Ей пришлось даже прилюдно поцеловать Гошу, чтобы собрать его развалившееся внимание. Никакого антиквариата они не купили, уж очень кусались цены, а когда вышли из салона, от Ленкиной болтовни у Гоши все смешалось в голове. Он забыл льняной запах масляной краски, изящные на длинных черенках кисти и прочую художественную мелочь, которая так очаровала его в таинственном лабиринте салона!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.